

УДК 903'1 (571.1)

Характеристика андроновской культуры Кузнецко-Салаирской горной области

В. В. Бобров

Институт экологии человека СО РАН

Кемеровский государственный университет

Аннотация. Памятники андроновской культуры на территории Кузнецко-Салаирской горной области локализуются в центральных районах Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи. Гребенчатый и гладкий штампы на посуде определяют общекультурную орнаментальную специфику, а количественное соотношение остальных способов нанесения орнамента – специфику района или конкретного памятника. К общеандроновским чертам восточных областей ареала относятся курганные и грунтовые (детские) кладбища, обряд кремации и ингумации, преобладающая юго-западная ориентировка, деревянные внутримогильные сооружения типа рамы, состав сопроводительного инвентаря, типы сосудов, техника нанесения орнамента и его декоративная схема. Для Кузнецкой котловины свойственны: курганы с пристройками, значительное количество могил от 2 до 6, разнообразные внутримогильные сооружения с преобладанием двух- и одноярусных рам, деревянные столбы, стабильная орнаментация погребенных. Ачинско-Мариинские памятники характеризуются меньшей глубиной могил, отсутствием курганов с количеством могил больше двух, двухъярусных рам и рам с покрытием на материковых выступах, наличием покрытия над грунтовой ямой.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Кузнецко-Салаирская область, андроновская культура, бронзовый век, орнамент, могильник, курган.

Введение

Начало истории археологического изучения андроновских памятников в пределах Кузнецко-Салаирской горной области связано с именами М. Г. Елькина (могильник на р. Ур), А. И. Мартынова (Большепичугинский могильник) и Н. Л. Членовой (поселение Обьюл), которые провели исследования в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в центральных районах Кузнецкой котловины и северных предгорьях Кузнецкого Алатау.

Более чем десять лет спустя исследования андроновских памятников возобновились, преимущественно на северо-востоке горной области. Именно здесь с 1976 г. начали работы две экспедиции – Ленинградского отделения Института археологии (ныне ИИМК РАН) и Кемеровского государственного университета, целью которых были раскопки памятников в зоне строительств-

ва первоочередных объектов Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса (КАТЭК). В период новостроечных работ С. Б. Гультов раскопал 13 андроновских погребений под курганными насыпями тагарских курганов на могильнике Ашпыл и одноименное поселение, а автор данной статьи – грунтовый могильник Кадат 9 и поселения Кадат 2 и Кадат 4 (Шарыповский р-н Красноярского края). В это же время А. М. Кулемзин исследует поселение на оз. Песчаное в Тисульском районе Кемеровской области. С 1979 по 2006 г. автор настоящей работы начинает планомерные исследования памятников эпохи бронзы на территории Кузнецкой котловины. В этот период открыты и исследованы такие крупные некрополи андроновской культуры, как Титово, Танай 1 и Танай 12. В 1980-е гг. В. А. Зах частично раскапывает могильник Заречное 1, содержащий андроновские захоронения наряду с погребениями других культур, ведет исследование поселения Куделька 1 с остатками андроновского наземного жилища. В 1993 г. Д. Г. Савинов провел раскопки могильника Юрман 1. Наконец, сравнительно недавно экспедицией под руководством А. М. Илюшина исследован могильник Чудиновка. В 1983–1985 гг. автору статьи пришлось вернуться в районы северных предгорий Кузнецкого Алатау для раскопок огромного стационарного поселения эпохи поздней бронзы на берегу Дудетского водохранилища недалеко от с. Тамбар (Тисульский р-н). Культурный слой памятника включал андроновский комплекс, который локализовался на южной периферии.

Краткий очерк истории исследования андроновских памятников свидетельствует не только о небольшом времени изучения данной культуры в пределах рассматриваемого региона, но и достаточно узком круге специалистов, участвовавших в этом процессе. Это же имеет отношение и к публикационной деятельности.

Характеристика и анализ материалов

Памятники андроновской культуры на территории Кузнецко-Салаирской горной области локализуются в центральных районах Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи (рис. 1). Всего исследовано 25 памятников: 12 могильников (Заречное 1, Ур, Титово, Танай 1, Васьково 5, Танай 12, Юрман 1, Ашпыл, Кадат 9 и др.) и 13 поселений (Школьный, Песчаное, Тамбарское водохранилище, Ашпыл, Обьюл, Березовый ручей 1 и др.). В составе погребальных сооружений раскопано свыше 150 могил, а на поселениях вскрыто более 7000 м².

Посуда – практически единственная категория материальной культуры андроновского населения Обь-Чулымского междуречья (найдено более 200 сосудов и несколько тысяч фрагментов). По технологии гончарного производства [Кузьмина, 1985, 1988] и морфологии она в основном не отличается от посуды андроновских памятников таких сопредельных регионов, как Барабинская лесостепь [Молодин, 1985], лесостепное Приобье [Матющенко, 1974; Кирюшин, 1986], северные котловины Минусинской впадины [Максименков, 1978; Вадецкая, 1986], Восточный Казахстан [Ткачева, Ткачев, 2008].

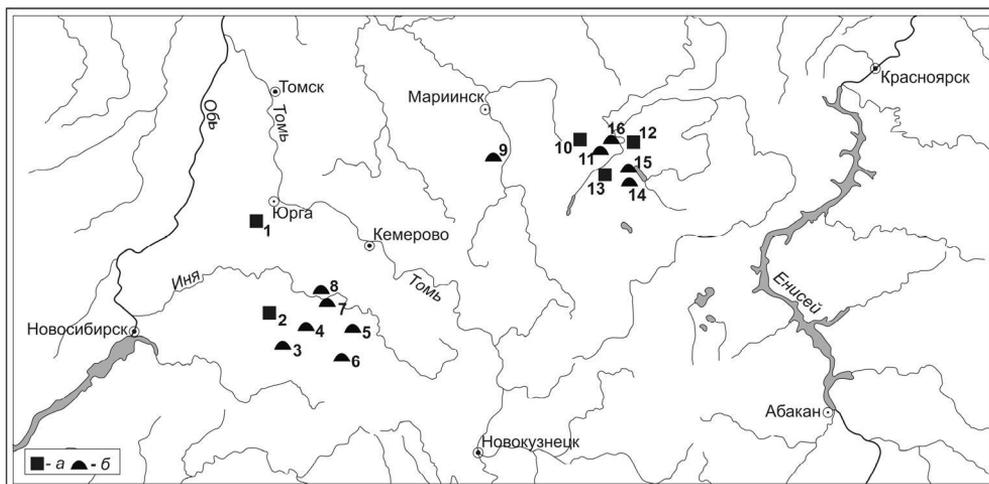

Рис. 1. Карта-схема расположения андроновских памятников в Кузнецко-Салаирской горной области:

а – поселения, б – могильники;

- 1 – Ача; 2 – Куделька 1; 3 – Танай 12; 4 – Танай 1; 5 – Юрман; 6 – Ур-Бедари;
7 – Титово; 8 – Васьково 5; 9 – Михайловка; 10 – Песчаное; 11 – Кадат 9;
15 – Ашпыл; 16 – Большепичугино

Она также тождественна посуде более удаленных районов, в частности из памятников лесостепного Зауралья и Южного Урала, которые часть исследователей относят к федоровской культуре [Матвеев, 1998; Стефанов, Корочкова, 2000]. Морфологически в этой категории инвентаря выделяются 2 типа: горшки (подтипы А и Б) и банки (подтипы А и Б). Сосуды 1-го типа на поселениях не превышают 5 %.

Методика анализа орнамента в андроноведении разработана достаточно хорошо [Комарова, 1962; Черников, 1960; Зотова, 1965; Максименков, 1978; Кузьмина, 1985; Рудковский, 1987; Михайлов, 1987]. На основе данного опыта дана характеристика посуды и ее орнамента, которая в основном соответствует характеристике этой категории инвентаря из других регионов юга Западной Сибири. Но были использованы новые принципы анализа, не практиковавшиеся в андроноведении:

1) андроновский декор рассматривался с позиции «орнаментального стиля» (понятие, введенное М. Н. Комаровой в 1947 г., позволившее ей выделить окуневский тип памятников) и были обоснованы геометрический и линейный стили [Бобров, Михайлов, 1989];

2) сделан анализ встречаемости орнаментальных мотивов в разных зонах (выполнен Ю. И. Михайловым), что позволило выявить орнаментальный канон, который строго подчинен зоне венчика и выражен цепочкой треугольников на сосудах 1-го типа. Только с сосудами, украшенными косоугольными треугольниками по венчику, известна трехчастная зональность и орнаментация в геометрическом стиле.

Анализ материалов из 34 памятников Казахстана, Барабы, Верхнего Приобья и Среднего Енисея подтверждает этот вывод. Для горшков из андроновских комплексов Кузнецко-Салаирской горной области наиболее характерными являются сочетание косоугольных треугольников в зоне венчика и меандрового мотива в зоне плечиков-тулова, окаймленного зигзагом из треугольников, реже с геометрическим декором – 1-й вариант (66,8 %). 2-й вариант, как правило, связан с мотивом зигзага (20,6 %). 3-й вариант построения композиции связан с посудой, для которой характерно моносюжетное заполнение (каннелюры, елочка), чаще без зонального членения (13,2 %). С этим вариантом встречаются равнобедренные треугольники в зоне венчика и тулова. Здесь и далее статистические данные приведены без учета материалов таких могильников, как Чудиновка, Юрман 1 и Танай 12. Суммарно они составляют около одной четвертой всего андроновского комплекса рассматриваемого региона. Вряд ли новые материалы могут изменить выявленное соотношение типов и вариантов.

Баночный тип в могильниках составляет 40 %, а на поселениях около 95 %. Преобладают сосуды с двухзональной разбивкой поля (65 %). В технике нанесения орнамента на поселенческую посуду андроновцы использовали 6 приемов: гребенчатый штамп – 50–60 %, гладкий штамп – 15–30 %, вдавления каплевидной формы – 10–20 %, ямочные вдавления – 5–15 %, прочерченные желобки – 3–8 %, валики – 4–7 %. Приоритетное место на баночной посуде занимает елочная орнаментация (70–80 %). Что касается валиков, то их подчиненное положение внутри всей композиции, а также морфология дают основание рассматривать этот мотив как переработанный в андроновской культурной среде восточных районов ареала в результате контактов населения кротовской культуры или взаимодействия с культурами валиковой керамики казахстанских степей.

Таким образом, гребенчатый и гладкий штампы определяли общекультурную орнаментальную специфику, а количественное соотношение остальных способов нанесения орнамента специфику района или конкретного памятника. В частности, можно полагать более значительное распространение баночной посуды с валиковой орнаментацией в Ачинско-Мариинской лесостепи, чем в других районах андроновского ареала.

Завершая анализ декора, необходимо остановиться на проблеме, которая имеет существенное значение для корреляции объекта исследования и диагностики культурной специфики. Суть проблемы заключается в половом диморфизме посуды, но не исключено, что в ее орнаментальной композиции заложена информация социального характера. Впервые эта проблема была поставлена С. А. Рахимовым и М. Д. Хлобыстиной [Рахимов, 1966; Хлобыстина, 1973]. С использованием данных антропологии установлено, что горшки с линейным стилем и банки с мотивом треугольника, обращенного вершиной вниз, встречены только в могилах женщин и детей (девочек). Анализ орнаментации сосудов, сопровождающих захоронения мужчин, не дает какого-либо статичного мотива, но им ставили сосуду 1-го типа с орнаментом меандрового и меандрово-геометрического стиля [Бобров, Михайлов, 1989;

Хлобыстина, 1989; Михайлов, 1987]. Возможность информации социального характера в андроновской орнаментальной композиции убедительно продемонстрировал Ю. Ф. Кирюшин, ссылаясь на этнографию хантов (1995).

В некоторых случаях бытовую посуду использовали для плавки металла. Так на поселении Кадат 4 найдены фрагменты сосуда достаточно крупных размеров со следами плавления бронзы. Он был орнаментирован рядами горизонтальной «елочки», как и большинство сосудов этого памятника.

Остальной инвентарь немногочислен. Интерес представляют: бронзовый серп-косарь с несомкнутой втулкой – тип 4б по Е. Е. Кузьминой (1966), аналог которому известны среди материалов Киргизии, Восточного Казахстана, Южной Сибири [Кузьмина, 1966, 1967; Арсланова, 1980] и лесостепного Зауралья (пос. Ук 3, раскопки В. И. Стефанова); бронзовый кинжал с перехватом и черешком для крепления рукояти; шило с расплющенной вершиной; бронзовые бусы и кольца в один оборот, которые широко распространены в андроновских памятниках (преимущественно могильниках). Среди находок из камня известны наконечник, отбойник, пест, ложило, острия из расколотых костей, шлифованные альчики, а из глины – прямоугольное изделие и цилиндр с отверстием. О производстве бронзовых изделий свидетельствует двусторчатая литейная форма для отливки наконечника стрелы с выступающей втулкой и листовидным пером, обнаруженные В. А. Захом при раскопках поселения Куделька 1 [Зах, 1997].

Погребальные комплексы

Погребальные памятники Обь-Чулымского междуречья по типу намогильных сооружений можно разделить на курганные и бескурганные. Курганы – круглой или овальной формы, под насыпью которых от 1 до 6 могил. В ряде случаев к курганам были пристройки по принципу, известному среди андроновских погребальных памятников Казахстана и Среднего Енисея. В могильнике Танай 1 под земляными насыпями выявлены прямоугольные каменные оградки из вертикально поставленных плиток, ориентированные углами по сторонам света (кремация). А в курганах могильника Танай 12 оградки имели круглую форму (ингумация). Эти два признака отличают андроновские погребальные памятники Кузнецкой котловины от памятников других районов Западной Сибири. Обычно в пределах сакрализованного пространства кургана следов каких-либо действий в процессе похорон или после них нет. Зафиксировано только два случая: захоронение лошади к северо-западу от могилы в кургане 2 могильника Васьково 5 и коровы на краю могилы в могильнике Танай 1.

Могилы под курганными насыпями формируют ряд, ориентированный по линии СЗ–ЮВ. Многие из них содержат деревянные конструкции (78,5 %), а некоторые, преимущественно детские, представляют собой обычную грунтовую яму (21,5 %). Внутримогильные сооружения следующих типов: деревянные рамы – 29,2 %, рамы с покрытием – 30,8 %, покрытия – 18,5 %. Рамы одно- и двухъярусные из бревен, положенных встык или в паз [Мыльников, Бобров, 2011]. На сооружение внутримогильных конструкций

использовали лиственницу часто довольно крупных размеров (диаметром до 0,7 м). В одном случае на дереве зафиксированы следы от каната (могильник Танай 1). Типы могил с покрытием имеют 2 варианта: внутри могилы (материковые уступы вдоль длинных стенок) и на древней поверхности (Кадат 9). В Ачинско-Мариинской лесостепи представлены все типы могильных сооружений, но нет материковых уступов и известно одно захоронение в каменном ящике [Гультов, 1982, с. 103–104; 1983, с. 58–61].

Андроновцы Кузнецкой котловины хоронили умерших по обряду кремации (Урский, Танай 1) и ингумации (Титово, Васьково 5, Заречное 1). В Ачинско-Мариинской лесостепи практиковали смешанный обряд. Географическая локализация андроновских памятников с разным по характеру обрядом погребения отмечена В. И. Молодиным для Барабинской лесостепи и требует дальнейшего изучения. Для Среднего Енисея она не характерна. По мнению автора, биритуализм погребального обряда андроновцев в восточных районах ареала культуры связан с разделением общества по конфессиональному принципу [Бобров, 2005]. По обряду ингумации хоронили в скорченном положении на левом боку, только три были положены на правый. Одиночные захоронения преобладают, могил с двумя погребенными известно в 3,5 раза меньше, и всего две могилы, в которых похоронено три человека. В Кузнецкой котловине практически все погребенные положены головой на юго-запад; в Ачинско-Мариинской лесостепи наблюдается большая вариабельность в ориентации. С погребениями детей отмечены все обряды захоронения, выявленные В. И. Молодиным по материалам Бабары [Молодин, 1984].

Сопроводительный инвентарь представлен в основном посудой. В ряде случаев в могилу с погребенным мужчиной клали определенные куски мяса животных. Только в одной могиле (Юрман 1), в которой было совершено захоронение мужчины, находился бронзовый кинжал. Причем он был положен под сосуд или сосуд был поставлен на него, в любом случае современники погребенного старались кинжал скрыть.

К особенностям погребальной практики андроновцев Кузнецко-Салаирской горной области относятся деревянные столбы, установленные вертикально на покрытие могильного сооружения, так, чтобы другой конец выходил на поверхность (Титово 3, Танай 1, Васьково 5, Танай 12). Все они связаны с погребениями мужчин. Аналогичные столбы обнаружены в головной части могил в могильниках Орак, Каменка 2, Ланин Лог на Среднем Енисее [Рахимов, 1968; Максименков, 1979]. Следует полагать, что установка столбов или камней-obelisks какой-то категории погребенных мужчин свойственна андроновцам всей зоны обитания.

Заключение

Анализ материалов и памятников андроновской культуры Кузнецко-Салаирской области позволяет сделать два общих вывода.

1. К общеандроновским чертам восточных областей ареала относятся курганные и грунтовые (детские) кладбища, обряд кремации и ингумации, преобладающая юго-западная ориентация, деревянные внутримогильные со-

оружения типа рамы, состав сопроводительного инвентаря, типы сосудов, техника нанесения орнамента и его декоративная схема.

2. Внутри рассматриваемого региона наблюдаются локальные особенности. Ачинско-Мариинские памятники отличаются от памятников Кузнецкой котловины меньшей глубиной могил, отсутствием курганов с количеством могил больше двух, двухъярусных рам и рам с покрытием на материковых выступах, наличием покрытия над грунтовой ямой. Некоторые из черт сближают эти памятники с андроновскими погребениями Томского Приобья. Для Кузнецкой котловины свойственны: курганы с пристройками, значительное количество могил от 2 до 6 (более 50 %), разнообразные внутримогильные сооружения, с преобладанием двух- и одноярусных рам, деревянные столбы, более стабильная орнаментация погребенных, чем на сопредельных территориях.

Историографически взгляды на культурную принадлежность андроновских памятников прошли следующую эволюцию: выделение культуры и локальных групп – западной и восточной с последующей их трансформацией в этапы (федоровский и алакульский), а затем в самостоятельные культуры, формирующие андроновскую культурно-историческую общность. Учитывая разную генетическую основу федоровского и алакульского комплексов [Кузьмина, 1985, 1988; Потемкина, 1985; Зданович, 1988], идентичность материалов Федоровского могильника андроновским памятникам восточных районов ареала, автор поставил под сомнение обоснование общности и предложил вместо термина «федоровская» употреблять «андоновская» культура [Бобров, 1992; 1993, с. 9–10], что историографически будет соответствовать изначальной ситуации, когда она была выделена С. А. Теплоуховым (1927).

Список литературы

Арсланова Ф. Х. К датировке металлических изделий эпохи бронзы Казахстана / Ф. Х. Арсланова // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата, 1980. – С. 82–95.

Бобров В. В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы : дис. ... д-ра ист. наук в форме науч. докл. / В. В. Бобров. – Новосибирск, 1992. – 46 с.

Бобров В. В. Андроновская культура или культурно-историческая общность? / В. В. Бобров // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. – Екатеринбург, 1993. – С. 9–10.

Бобров В. В. Памятники андроновской культуры в Обь-Чулымском междуречье / В. В. Бобров, Ю. И. Михайлов. – Кемерово : КемГУ, 1989. – 198 с.

Бобров В. В. «Биритуализм» андроновского погребального обряда – нетрадиционная форма развития культуры / В. В. Бобров // XIII Западносиб. археол.-этногр. совещание. – Томск, 2005. – С. 60–63.

Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея / Э. Б. Вадецкая. – Л. : Наука, 1986. – 179 с.

Гультов С. Б. Новый могильник андроновского времени в Красноярском крае / С. Б. Гультов // Проблемы археологии и этнографии Сибири. – Иркутск, 1982. – С. 103–104.

Гультов С. Б. Некоторые вопросы внутренней хронологии могильника Ашпыл / С. Б. Гультов // Древние культуры евразийских степей. – Л., 1983. – С. 58–61.

Зах В. А. Эпоха бронзы Присалаирья / В. А. Зах. – Новосибирск, 1997. – 132 с.

Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей / Г. Б. Зданович. – Свердловск : УрГУ, 1988. – 184 с.

Зотова С. В. Ковровые орнаменты андроновской керамики / С. В. Зотова // МИА. – 1965. – № 130. – С. 177–181.

Кирюшин Ю. Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Ю. Ф. Кирюшин. – Новосибирск, 1986. – 35 с.

Кирюшин Ю. Ф. Особенности погребального обряда и погребальной посуды андроновской культуры / Ю. Ф. Кирюшин // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...». – Барнаул, 1995. – С. 58–75.

Комарова М. Н. Относительная хронология памятников андроновской культуры / М. Н. Комарова // Археол. сб. – Л., 1962. – Вып. 5. – С. 50–75.

Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии / Е. Е. Кузьмина // Археология СССР. Свод археологических источников. – 1966. – Вып. 4–9. – 151 с.

Кузьмина Е. Е. Клад из села Предгорное и вопросы о связях населения евразийских степей в конце эпохи бронзы / Е. Е. Кузьмина // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. – Киев, 1967. – С. 214–216.

Кузьмина Е. Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности / Е. Е. Кузьмина // Информ. бюл. Междунар. ассоциации по изучению культур Центральной Азии. – 1985. – № 9. – С. 24–45.

Кузьмина Е. Е. Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии / Е. Е. Кузьмина // ВДИ. – 1988. – № 2. – С. 35–59.

Матвеев А. В. Первые андроновцы в лесах Зауралья / А. В. Матвеев. – Новосибирск : Наука, 1998. – 417 с.

Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Андроновская культура / В. И. Матющенко // Из истории Сибири. – Томск, 1974. – Вып. 11. – 148 с.

Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее / Г. А. Максименков. – Л. : Наука, 1978. – 190 с.

Михайлов Ю. И. Особенности композиционного построения андроновской орнаментации / Ю. И. Михайлов // Проблемы археологии степной Евразии. – Кемерово, 1987. – С. 134–137.

Молодин В. И. Особенности погребального обряда детских захоронений андроновцев Барабинской лесостепи / В. И. Молодин // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1984. – С. 27–37.

Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы / В. И. Молодин. – Новосибирск : Наука, 1985. – 200 с.

Мыльников В. П. Деревянные погребальные сооружения эпохи бронзы Западной Сибири / В. П. Мыльников, В. В. Бобров // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 3. – С. 92–99.

Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притобоя / Т. М. Потемкина. – М. : Наука, 1985. – 376 с.

Рахимов С. А. Андроновская стоянка и могильник на р. Сыде / С. А. Рахимов // КСИИМК. – 1968. – Вып. 114. – С. 70–75.

Рудковский И. В. Андроновский орнамент как система / И. В. Рудковский // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1987. – С. 48–56.

Стефанов В. И. Андроновские древности Тюменского Притобоя / В. И. Стефанов, О. Н. Корочкова. – Екатеринбург : Полиграфист, 2000. – 108 с.

Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае / С. А. Теплоухов // *Материалы по этнографии.* – Л., 1927. – Т. 3, вып. 2. – С. 57–112.

Ткачева Н. А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья / Н. А. Ткачева, А. А. Ткачев. – Новосибирск : Наука, 2008. – 303 с.

Хлобыстина М. Д. Некоторые особенности андроновской культуры Минусинских степей / М. Д. Хлобыстина // *СА.* – 1973. – № 4. – С. 50–62.

Хлобыстина М. Д. Андроновский дифференцированный керамический комплекс / М. Д. Хлобыстина // *Керамика как исторический источник.* – Новосибирск : Наука, 1989. – С. 118–134.

Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы / С. С. Черников // *МИА.* – 1960. – № 88. – 285 с.

Characteristics of Andronovo Culture of Kuznetsk-Salair Mountain Area

V. V. Bobrov

Abstract. The monuments of Andronovo culture on the territory of Kuznetsk-Salair mountain area are located in the central region of Kuznetsk basin and Achinsk-Mariinsk forest. Crockery is the main category of material culture of Andronovo population of Ob-Chulyum region. Comb and smooth stamps determined the ornamental cultural specification and a proportion of other ways of applying ornaments determines a region or monument. Funeral monuments are divided into mounds and non mounds. Particular Andronovo features of the eastern regions are mounds and ground (baby) cemetery, cremation and inhumation rites, prevailing southwestern orientation, wooden in-grave structures such as frames, composition of the accompanying equipment, types of vessels, ornamental and decorative technique. Achinsk-Mariinsk monuments differ from ones of Kuznetsk basin by less depth graves, absence of mounds and a number of graves more than two, double decker frames and coated frames on continental ledges, the presence of cover over the grave. Some of these features make them close to the Andronovo burials of Tomsk Ob region. For Kuznetsk basin it is common to have mounds with additional constructions, big number of graves – 2 to 6 (more than 50 %), different in-grave constructions with double decker frames, wooden poles, more stable ornamentation than in neighboring areas.

Key words: Southern Siberia, Kuznetsk-Salair area, Andronovo culture, Bronze Age, ornament, burial ground, mound.

Бобров Владимир Васильевич

доктор исторических наук, профессор
зам. директора по научной работе, Институт экологии человека СО РАН;
зав. кафедрой, кафедра археологии, Кемеровский государственный университет;
зав. лабораторией, Кузбасская лаборатория археологии и этнографии ИАЭТ СО РАН – КемГУ
650065, Россия, г. Кемерово, пр-т Ленинградский, 10, bobrov@kemsu.ru

Bobrov Vladimir Vasil'evich

Doctor of Historical Sciences, Professor
Deputy Director, Institute of Human Ecology, SB RAS; Head of the Department, Department of Archaeology, Kemerovo State University; Head of Laboratory, Kuzbass Laboratory of Archaeology and Ethnography, IAE SB RAS – Kemsu
10, Leningrad Prospect,
Kemerovo, Russia, 650065,
bobrov@kemsu.ru